

ре
кл
ро
он
на
вв
пс
ра
гр
пр
од
тс
нс
пе
на
ча
ге

Ф 70 Г-5
2

Васецкий, Григорий Степанович. 1904
Очерки по истории русского материализма XVIII и XIX вв. М., Госполитиздат, 1942. 274, [2] стр. 23 см. (Высшая парт. школа при ЦК ВКП(б)).

Перед загл.: Г. Васецкий и М. Пловчук.

11-6

17 25 55

ские ученые, как академики Лысенко, Цицин и другие, а также Тимирязева своим великим и любимым учителем. Не только ученые, представители биологических и сельскохозяйственных наук, но и работники социалистического сельского хозяйства в целом должны внимательно и систематически изучать работы Тимирязева, обращаться к ним за советами при решении сложных научных и практических вопросов сельскохозяйственных наук.

Среди замечательных мыслителей, корифеев передовой науки, выдвинутых великим русским народом и другими народами нашей страны в героической борьбе за свободную, счастливую жизнь, Тимирязеву принадлежит одно из первых мест.

Для Алтанина
№ 2338 К

Сталин, Речь на приеме в Кремле работников высшей школы 17 мая г., стр. 3.

Глава IX
Г. В. ПЛЕХАНОВ
И ЕГО РОЛЬ В РАСПРОСТРАНЕНИИ
МАРКСИСТСКОЙ ФИЛОСОФИИ
в 80—90-х годах XIX в.

«После отмены крепостного права развитие промышленного капитализма в России пошло довольно быстро, несмотря на остатки крепостничества, еще задерживавшие это развитие. За 25 лет, с 1865 по 1890 год, количество рабочих на одних только крупных фабриках, заводах и железных дорогах увеличилось с 706 т. до 1.433 тысяч, то-есть более чем вдвое.

Еще быстрее стала развиваться капиталистическая крупная промышленность в России в 90-х годах. К концу 90-х годов количество рабочих на крупных фабриках и заводах, в горной промышленности, на железных дорогах только по 50 губерниям Европейской России выросло до 2.207 тысяч, а по всей России — до 2.792 тысяч.

Это был современный промышленный пролетариат, в корне отличавшийся от рабочих фабрик крепостного периода и рабочих мелкой, кустарной и всякой иной промышленности, как своей сплоченностью на больших капиталистических предприятиях, так и своими боевыми революционными качествами¹.

Но своеобразие исторических условий заключалось в том, что наряду с развитием капитализма в России сохранились остатки крепостнических отношений. При проведении реформы 1861 г. помещики ограбили крестьян, отрезав у них лучшие земли: крестьяне за свое «освобождение» должны были уплатить помещикам около двух миллиардов рублей выкупа; на невероятно тяжелых условиях они вынуждены были арендовать помещичью землю, оплачивая её «отработками»; попрежнему крестьяне находились в кабале у помещиков.

В силу своеобразия условий России историческая задача рабочего класса на этом этапе борьбы состояла в том, чтобы, ведя борьбу против капитализма, вместе с тем возглавить и повести народные массы на борьбу против феодально-крепостнических отношений и самодержавия.

¹ Краткий курс истории ВКП(б), стр. 6—7.

До середины 90-х годов рабочее движение, из года в год нараставшее в России, не было еще освещено революционным политическим сознанием.

Домарксовский материализм и утопический социализм, в том числе и учения русских материалистов-революционных демократов — Герцена, Белинского, Чернышевского, Добролюбова, не могли дать научного ответа на вопросы, поставленные в порядке дня развитием капитализма и классовой борьбой пролетариата.

Ответ на эти вопросы, глубоко научное познание законов развития общества, стройную и логически обоснованную систему взглядов на мир дал диалектический и исторический материализм Маркса и Энгельса. Только марксизм указал пути, средства и цели борьбы рабочего класса.

Великие учителя пролетариата Маркс и Энгельс доказали, что социализм есть не выдумка мечтателей, а необходимый результат развития капиталистического общества, что общественной силой, призванной уничтожить капитализм, является пролетариат, свергающий путем пролетарской революции власть эксплуататоров и устанавливающий диктатуру пролетариата.

Маркс и Энгельс, превратив социализм из утопии в науку, дали ответ на вопросы, на которые много лет искали ответа лучшие умы человечества, в том числе великие русские просветители.

Складывавшиеся в 60—80-х годах XIX в. общественные отношения в России, вступившей на путь капитализма, не могли быть объяснены, а тем более изменены на основе учений революционных демократов 50—60-х годов, ибо революционные демократы не дали и не могли дать научного анализа того строя, который только что еще возник в России в недрах крепостничества. Дать правильную характеристику общественных отношений пореформенной России и наметить пути их изменения могла только научная и философская теория, рассматривавшая капитализм с позиций последовательно революционного класса.

Уже в 40-х годах XIX в. ранние работы Маркса и Энгельса были известны русским просветителям — Белинскому, Герцену, Анненкову, Боткину и др. С отдельными работами Маркса и Энгельса в 50-х годах XIX в. были знакомы Чернышевский и его соратники — Добролюбов и Шелгунов. Более значительное распространение в России марксизм получил в 60—70-х годах прошлого века. В 1871 г. Зибер изложил в своей книге «Теория ценности и капитала Д. Рикардо» теорию стоимости Маркса. В 1872 г. вышел в свет первый русский перевод «Капитала», сделанный Даниельсоном. В 1872 г. был впервые переведен на русский язык «Манифест коммунистической партии».

В 1883 г. в Женеве Г. В. Плеханов создал первую русскую марксистскую организацию «Освобождение труда».

В то время как Чернышевский, возвращаясь из сибирской ссыл-

ки и находясь под полицейским надзором в Астрахани, писал свои последние труды, в которых еще раз провозгласил свою верность материализму Фейербаха, в Женеве молодой русский революционер-эмигрант Плеханов переводил на русский язык и популяризировал важнейшие труды основоположников диалектического материализма — Маркса и Энгельса.

Плеханов продолжил традиции русского философского материализма и выступил на борьбу с его врагами.

Но это уже были новые враги. Если Чернышевский боролся главным образом против «образованных» крепостников и либералов, проповедывавших позитивизм и кантианство, то Плеханову пришлось выступить против врагов материализма из лагеря народнической интеллигенции, прикрывавшейся славным именем Чернышевского и пропагандировавшей идеализм под флагом так называемой «субъективной социологии». Изменилось и идейное оружие. Плеханов бил новых врагов материализма в России — идеологов народничества — с позиций диалектического материализма.

Теория Маркса и Энгельса, с которой Плеханов познакомился в 1881—1882 гг. за границей, в эмиграции, раскрыла законы общественного развития и указала научно обоснованный путь социалистического преобразования общества.

Глубокое изучение экономической жизни России и одновременное знакомство с революционным движением рабочего класса Западной Европы привели Плеханова к выводу, что в России, так же как и в Западной Европе, развивается капитализм и что только революционная борьба пролетариата приведет человечество к социализму.

Марксизм в России возник и окреп в решительной борьбе с идеологией народничества. Народничество как идейное течение, враждебное марксизму, окончательно сложилось к 80-м годам XIX в. Но уже в 60—70-х годах идеологи народничества Лавров, Ткачев и др. дали народническому движению идейное «обоснование», в корне противоположное марксистскому мировоззрению и материализму вообще.

Еще в 1875 г. Энгельс в своей статье «Эмигрантская литература» (впоследствии получившей название «Об общественных отношениях в России») выступил против народнических, полунархистских иллюзий Ткачева, доказывая, что русская сельская крестьянская община идет по пути разложения.

В противоположность народническим бредням о том, что русская интеллигенция может на основе сохранения крестьянской общины создать социалистический строй, Энгельс писал в своем ответе Ткачеву:

«Если что-нибудь может еще спасти русскую общинную собственность и дать ей возможность превратиться в новую, действительно жизнеспособную форму, то это именно пролетарская революция в Западной Европе»¹.

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. XV, стр. 262.

Аналогичные мысли высказывал Энгельс не раз в своих письмах к другому идеологу народничества — Даниельсону.

Краеугольным камнем народнических теорий уже в 60—70-х годах была вера во всеилие «критически-мыслящей личности», которая якобы может, не считаясь с окружающими материальными условиями, переделывать действительность. сообразно своим желанием, планам, проектам.

Так, один из идеологов народничества, Ткачев, утверждая, что в общественных явлениях нельзя видеть какой-либо закономерности, писал: «...явления общественные не могут и не должны быть возводимы в законы: возводить их в закон — значит узаконять многое множество нелепостей, облеченных в принципы, благодаря ничем не возмущающейся рутине»¹.

Народные массы, с точки зрения народников, являются лишь глиной, принимающей желательные формы в творческих руках «выдающейся личности».

С идеалистической теорией о «критически-мыслящей личности» тесно была связана и народническая надежда на то, что русская сельская община не подвергнется разложению под влиянием капитализма, ибо она представляла собой, по мнению народнических идеологов, зародыш и основу социализма. Народники не желали замечать того бесспорного факта, что после отмены крепостного права русская сельская община быстро разлагалась под влиянием капиталистических отношений, складывавшихся в России по типу Западной Европы. Не желая замечать изменений, происходивших в окружающей действительности, народнические идеологи противопоставляли России Западу и воскрешали на новый лад славянофильскую «теорию» о «самобытном пути» развития России.

«С развитием капитализма в России рабочий класс становился могучей передовой силой, способной к организованной революционной борьбе. Но передовой роли рабочего класса не понимали народники. Русские народники ошибочно считали, что главной революционной силой является не рабочий класс, а крестьянство, что власть царя и помещиков можно свергнуть путем одних лишь крестьянских «бунтов». Народники не знали рабочий класс и не понимали, что без союза с рабочим классом и без его руководства одни крестьяне не смогут победить царизм и помещиков. Народники не понимали, что рабочий класс является самым революционным и самым передовым классом общества.

Народники сначала пытались поднять крестьян на борьбу против царского правительства. С этой целью революционная интеллигентная молодежь, переодевшись в крестьянскую одежду, двинулась в деревню — «в народ», как тогда говорили. Отсюда и произошло название «народники». Но за ними крестьянство не пошло, так как они и крестьян, как следует, не знали и не по-

¹ Ткачев, Избранные сочинения, т. I, 1932, стр. 69.

нимали. Большинство народников было арестовано полицией. Тогда народники решили продолжать борьбу против царского самодержавия одними своими силами, без народа, что привело к еще более серьезным ошибкам»¹.

Философские «теории» народников носили эклектический характер с явным преобладанием субъективного идеализма. С субъективно-идеалистической теорией «критически-мыслящих личностей» у народников уживались позитивистские взгляды, некритически переносимые на общество биологические учения о «борьбе за существование» и «естественном отборе», а также неокантианские теории об индивидуальности и неповторимости общественных явлений, приводившие к выводу об отсутствии якобы общих законов исторического развития, а следовательно, к утверждениям о «самобытности» исторического пути развития России.

Ведя борьбу против народничества, Плеханов с позиций марксизма самостоятельно разрабатывал вопросы русской общественной жизни, как, например, вопрос о развитии капитализма в России, о судьбах крестьянской общины, о внутреннем рынке, о кустарных промыслах, о роли интеллигенции в революционном движении и т. д.

Марксистское разъяснение этих вопросов и разоблачение народнических взглядов были даны Плехановым в ряде его работ, на которых воспитывалось первое поколение русских марксистов. Важнейшими из них являются: «Социализм и политическая борьба» (1883), «Наши разногласия» (1885), «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» (1895), «О материалистическом понимании истории» (1897), «К вопросу о роли личности в истории» (1898).

В этих работах Плеханов выступает как талантливый пропагандист и защитник марксизма.

Он доказывает полную применимость марксизма в России и устанавливает, что всем ходом русской общественной жизни подтверждается правота марксистского учения о капитализме и классовой борьбе пролетариата как о материальных условиях, обеспечивающих объективную возможность перехода России к социализму. Плеханов в этих работах нанес сокрушительный удар общественно-политическим и философским теориям народничества.

Народники называли себя преемниками и продолжателями дела Герцена и Чернышевского. В действительности же по всем линиям — в философии, социологии и политике — народники, даже революционные народники 60—70-х годов (Лавров, Ткачев, народовольцы и др.), отступили от революционно-демократических взглядов Чернышевского и Герцена.

Народники взяли у Герцена и Чернышевского веру в возмож-

¹ Краткий курс истории ВКП(б), стр. 12.

ность социалистического преобразования России на базе сельской общины. Но вопреки духу материалистического и диалектического учения Герцена и Чернышевского народнические идеологи отвернулись от реальной действительности и не желали видеть, что капитализм в России становится фактом, а сельская крестьянская община разлагается. Исходя из идеалистических посылок своей «субъективной социологии», они считали, что русский крестьянин — «коммунист по инстинкту, по традиции», и не желали замечать капиталистического расслоения русской деревни.

Народники восприняли у Герцена и Чернышевского критическое отношение к капиталистической эксплуатации и лживой буржуазной демократии, но сделали отсюда антиисторический, метафизический вывод, будто капитализм вообще является регрессом в сравнении с феодальным строем, будто мелкая собственность ремесленников и крестьян — более прогрессивное социальное явление, чем крупная капиталистическая промышленность.

Народники заимствовали у Герцена и Чернышевского правильную мысль об огромной исторической роли, которую призвана сыграть передовая русская разночинная интеллигенция, если она будет защищать интересы народа и поднимать его на борьбу против крепостничества и царизма. Но идеологи народничества отступили от учения Герцена и Чернышевского, изобразив интеллигенцию решающей, совершенно самостоятельной общественной силой, независимой от народного движения.

Отсюда вытекали бланкистская, заговорщическая тактика народников-ткачевцев и террористическая тактика народовольцев.

Доказывая возможность государственного переворота силами кучки заговорщиков, пытаясь устранить ненавистных народу правителей путем индивидуальных террористических актов, народники отказывались по существу от создания революционных организаций рабочего класса и крестьянства.

«Интеллигенция, — писал Плеханов, излагая взгляды народников, — играла в наших революционных расчетах роль благодетельного провидения русского народа, провидения, от воли которого зависит повернуть историческое колесо в ту или иную сторону... Пропагандисты были уверены, что они без большого труда научат крестьянство истинам научного социализма. Бунтари требовали немедленного создания «боевых» организаций в народе, не воображая, что оно может встретить какие-либо существенные препятствия. Наконец, сторонники «Набата» полагали, что нашим революционерам стоит только «захватить власть», — и народ немедленно усвоит социалистические формы общежития...

Тяжелый опыт скоро показал нашим революционерам, что от жалоб на малоземелье бесконечно далеко до выработки определенного классового сознания и что от бунтов, происходивших

100 и 200 лет тому назад, нельзя умозаключать к готовности народа восстать в настоящее время»¹.

И бланкистско-заговорщическая и террористическая программы революционных народников тормозили наступление революции в России. Плеханов, бывший первое время народником, порывая со своим народническим прошлым, с полным основанием мог заявить в 1884 г. в письме к П. Л. Лаврову:

«Общественные задачи современной России не могут найти удовлетворительное решение в традиционной, заговорщической программе бланкизма. Мало-по-малу эта избитая программа превратится в Прокрустово ложе русской революции. Ее призрачным, фантастическим целям будут один за другим принесены в жертву все те способы действия, все те элементы движения, которые составляли его силу, обуславливали его влияние... Он (народник-бланкист. — Авт.) не заботится о развитии общественных сил, о создании таких учреждений, в результате которых явилась бы невозможность возврата к старому режиму... Он не считаетеся с историей, не стремится понять ее законы и направить сообразно с ними свою революционную деятельность; он просто заменяет историческое развитие своей конспираторской сноровкой»².

Подтверждением правоты этих слов Плеханова служит тот факт, что новая революционная ситуация, сложившаяся в России в 1879—1881 гг., не повлекла за собой революции, а организация революционных народников «Народная воля» не была поддержана народными массами и в 1881—1882 гг. оказалась разгромленной царским правительством. Революционная ситуация в России 1879—1881 гг. не переросла в революцию потому, что в России еще не сложился класс, способный возглавить революционное движение народных масс, — пролетариат. Серьезной причиной, объясняющей слабость революционного движения рабочего класса и крестьянства в то время, явилось отсутствие подлинно революционной организации, которая могла бы возглавить народные массы и повести их на борьбу с самодержавием. Народовольцы же замкнулись в своих конспиративных организациях и не ставили своей задачей вести работу по созданию революционных организаций в народных массах.

Еще дальше, чем Лавров, Ткачев и народовольцы, ушли от революционных демократов-шестидесятников идеологи либерального народничества 80—90-х годов — Михайловский, Воронцов, Южаков и др. Либеральные народники, восприняв от революционных народников идеалистическую теорию о всесиили «выдающихся личностей» и их «преобразовательных программах», отказались от революционной борьбы против царизма и остатков крепостничества. Возлагая все свои надежды на законодательное закрепление сельской общины царским правитель-

¹ Плеханов, Соч., т. II, стр. 132, 133.

² Там же, стр. 103.

ством, идеализируя общину, они прикрывали кулацкое засилье и налоговый гнет царского правительства, защищали худшие виды помещичьей и кулацкой эксплуатации, развивавшиеся под прикрытием формально сохранившейся общины.

Ленин совершенно правильно отметил, что «такое развитие народничества было совершенно естественно и неизбежно, так как в основе доктрины лежало чисто мифическое представление об особом укладе (общинном) крестьянского хозяйства: от прикосновения с действительностью миф рассеялся, и из крестьянского социализма получилось радикально-демократическое представление мелкобуржуазного крестьянства»¹.

Плеханов был прав, указывая, что народники, усвоив буквы учения Чернышевского, изменили его духу, поскольку игнорировали окружающую материальную действительность и происходившие в ней изменения.

«Ученики Гегеля, — писал Плеханов, — не оставили камня на камне в его системе, строго держась того самого метода, который завещал им великий мыслитель. Они держались духа, а не буквы его системы. Последователи Н. Г. Чернышевского не решались даже подумать о критическом отношении к мнению своего учителя. Строго держась каждой буквы его писаний, они утратили всякое понятие об их духе».

Народники пошли назад от Чернышевского и Добролюбова, назад от их революционного демократизма и материализма.

Ленин уже в первой своей большой теоретической работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» (1894) доказал, что либеральные народники не имеют никакого права прикрываться именем великих революционных демократов — Герцена и Чернышевского.

Говоря о («субъективной социологии») либеральных народников, Ленин писал: «Из политической программы, рассчитанной на то, чтобы *поднять крестьянство* на социалистическую революцию *против основ современного общества* — выросла программа, рассчитанная на то, чтобы заштопать, «улучшить» положение крестьянства *при сохранении основ современного общества*»².

В своей работе «От какого наследства мы отказываемся?» (1897) Ленин показал, что народнические идеологи с их рассуждениями о регрессивности капитализма и всемогущести интеллигенции по существу отказались от революционно-демократических взглядов Чернышевского и Герцена, от «наследства» 60-х годов.

Просветители 60-х годов, писал Ленин, «с их горячей верой в прогрессивность данного общественного развития, с их беспощадной враждой, всецело и исключительно направленной против остатков старины, с их убеждением, что стоит только вы-

мести дочиста эти остатки, и дела пойдут как нельзя лучше, — это «наследство» не только непричем в... воззрениях народничества, но прямо противоречит им»¹.

Наследником революционных просветителей-демократов в России, как и в других странах, явился революционный рабочий класс.

* * *

Товарищ Сталин в своей работе «Анархизм или социализм» прекрасно определил философскую суть борьбы, разгоревшейся в 80-х годах XIX в. между народниками и марксистами.

Он показал, что в этой борьбе ярко сказались противоположность диалектического и метафизического мировоззрений.

«Народники, — пишет товарищ Сталин, — говорили, что главная сила, которая может взять на себя «освобождение России», — это бедное крестьянство. Почему? — спрашивали их марксисты. Потому, — говорили они, — что крестьянство многочисленнее всех и в то же время беднее всех в русском обществе. Марксисты отвечали: правильно, что крестьянство сегодня составляет большинство и очень бедно, но разве дело в этом? Крестьянство уже давно составляет большинство, но до сих пор оно без помощи пролетариата никакой инициативы не проявляло в борьбе за «свободу». А почему? Потому, что крестьянство, как сословие, изо дня в день разрушается, распадается на пролетариат и буржуазию, тогда как пролетариат, как класс, *изо дня в день* растет и крепнет. И бедность не имеет тут решающего значения: «босьяки» беднее крестьян, но никто не может сказать, что они возьмут на себя «освобождение России».

Дело лишь в том, кто растет и кто стареет в жизни. И так как пролетариат единственный класс, который непрерывно растет и устремляется к жизни, поэтому наш долг встать рядом с ним и признать его главной силой русской революции, — так отвечали марксисты. Как видите, марксисты с диалектической точки зрения смотрели на вопрос, в то время как народники рассуждали метафизически, так как на явления жизни смотрели как на «неизменные, застывшие, раз навсегда данные»².

Ярким примером метафизического взгляда на мир в ту пору были социологические рассуждения главного идеолога либерального народничества 80—90-х годов — Михайловского. Михайловский писал: «Рабочий вопрос в Европе есть вопрос революционный, ибо там он требует *передачи* условий труда в руки работника, экспроприации теперешних собственников. Рабочий вопрос в России есть вопрос консервативный, ибо тут требуется только сохранение условий труда в руках работника, гарантия теперешним собственникам их собственности».

¹ Ленин, Соч., т. II, изд. 4-е, стр. 485.

² См. Берия, К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье, 1941, стр. 102.

¹ Ленин, Соч., т. I, изд. 4-е, стр. 259.

² Там же, стр. 246—247.

Путь к «русскому крестьянскому социализму» Михайловский, как и другие идеологи народничества, видел в закреплении патриархально-крепостнической общины.

Этот путь по Михайловскому — сохранение тех отношений труда и собственности, которые уже существуют в наличности, но в крайне грубом, первобытном виде. Понятно, что эта цель не может быть достигнута без широкого государственного вмешательства, первым актом которого должно быть законодательное закрепление земельной общины.

Уже в первых своих марксистских работах Плеханов показал противоположность теории марксизма идейным основам народничества. Он излагал основные принципы марксизма, применительно к России, следующим образом:

«1) Коммунистическая революция рабочего класса никоим образом не может вырасти из того мещанско-крестьянского социализма, проповедниками которого являются в настоящее время почти все наши революционеры (т. е. народники. — Авт.).

2) По внутреннему характеру своей организации, сельская община прежде всего стремится уступить место буржуазным, а не коммунистическим формам общежития.

3) При переходе к этим последним, ей предстоит не активная, а пассивная роль; она не в состоянии *двинуть* Россию на путь коммунизма; она может только *менее сопротивляться* такому движению, чем мелкое подворное землевладение.

4) Инициативу коммунистического движения может взять на себя лишь рабочий класс наших промышленных центров, — класс,

5) Освобождение которого может быть достигнуто только путем его собственных сознательных усилий»¹.

Идеологи народничества, не отрицая того, что экономическая теория марксизма на Западе находит свое подтверждение, считали, что к России учение Маркса неприменимо.

В конце 80-х и начале 90-х годов центр тяжести идейной борьбы между народниками и русскими марксистами был перенесен в философию и социологию.

В 1892 г. Плеханов писал: «Русским социалистам неизбежно придется считаться с этой философской реакцией, а следовательно, и заниматься философией. В этой области, — как и в экономике, так и в политике, — Маркс и Энгельс будут самыми надежными их руководителями»².

В книге «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» и в последующих своих работах Плеханов показал рабочему классу России и революционной интеллигенции, насколько лживы народнические измышления о марксизме.

Народники говорили, что марксистская философия якобы

располагает к квиэтизму, к «безмятежному созерцанию» действительности, как бы плоха ни была эта действительность.

Плеханов доказал, что марксистская философия, исходя из того, что *есть* в окружающей действительности, дает широкий простор сознательной деятельности передового класса, указывает ему верный путь борьбы против старых, отживших порядков.

Народники утверждали, что марксистская философия не считается якобы с идеальными целями и побуждениями людей, не придает никакого значения идеям в общественной жизни и рассматривает все и вся исходя из грубо материальных, корыстных интересов человека.

Плеханов опроверг и эту народническую клевету на марксизм, доказав, что именно «идеальные проекты» народников направлены к увековечению худших видов эксплуатации, тогда как марксисты являются самыми последовательными борцами за лучшие идеалы человечества, за свободу и счастье народов России и всего мира. Марксисты исходят из того, что в окружающей действительности существуют материальные условия и реальные силы, необходимые для социалистического преобразования общества, но сами по себе эти силы не могут привести к созданию нового строя без активной и целеустремленной революционной деятельности людей.

Народники объявили философское учение марксизма несостоятельным на том основании, что оно не устанавливает общих, одинаковых для всех времен и народов законов развития общества.

С другой стороны народники в лице Михайловского пытались, — как об этом свидетельствует Маркс, — превратить написанный Марксом «исторический очерк возникновения капитализма в Западной Европе в историко-философскую теорию всеобщего пути, на который роковым образом обречены все народы, каковы бы ни были исторические обстоятельства, в которых они оказываются». Исходя из этого ложного «основания», они пытались доказать, что общественная жизнь в такой «самобытной» стране, как Россия, идет «совсем не по Марксу», и пытались объявить марксизм отвлеченным и абстрактным учением, неприемлемым к действительности.

Плеханов напомнил русскому обществу, что сам Маркс в письме к редактору «Отечественных записок» в 1887 г. протестовал против подобного истолкования сути его учения.

«...Диалектический материализм, — писал Плеханов, — никаких стран ни к чему не приговаривает... он не указывает пути, общего и «обязательного» для всех народов во всякое данное время... дальнейшее развитие всякого данного общества всегда зависит от соотношения общественных сил внутри его, и... поэтому, всякому серьезному человеку надо, не гадая и не ноя по поводу какой-то фантастической «обязательности», изучить прежде всего это соотношение; только такое изучение и может

¹ Плеханов, Соч., т. II, стр. 331—332.

² Плеханов, Соч., т. VIII, стр. 311, Приложение.

показать, что «обязательно» и что «необязательно» для данного общества»¹.

Народники обвиняли русских учеников Маркса в том, что они якобы отступили от взглядов Маркса, допускавшего возможность некапиталистического развития России.

Плеханов рассеял и это «странное недоразумение», доказав, что Маркс допускал возможность некапиталистического развития России лишь при известных условиях, а именно — при условии соединения народной крестьянской революции в России с пролетарской революцией в странах Западной Европы, при условии, если Россия до этого времени не пойдет по капиталистическому пути и не превратит значительной части своих крестьян в пролетариев.

Народники заявляли, что марксизм якобы не является законным преемником передовых революционных и социалистических учений Западной Европы, что он «незаконнорожденный», «побочный» продукт общественной мысли, что русские марксисты будто бы «не желают состоять ни в какой преемственной связи» с русскими просветителями — Белинским, Герценом, Чернышевским и Добролюбовым.

Плеханов в своих работах доказал, что русские марксисты считают себя наследниками революционных русских просветителей и что только марксизм дал единственно правильный, научный ответ на те вопросы, которые поставила передовая общественная мысль Западной Европы и России в лице французских материалистов, французских историков времен реставрации, социалистов-утопистов, классической немецкой философии, русских революционных просветителей.

Именно марксизм дал правдивый и исчерпывающий ответ на основной вопрос, волновавший лучшие умы человечества: каковы основы общественной жизни, каковы движущие силы общественного развития, каким путем достигнуть счастья и благоденствия человечества.

Маркс и Энгельс дали научный ответ на этот вопрос, применив диалектический метод к объяснению общественных явлений. «Если все течет, все изменяется, — писал Плеханов, — если всякое явление само себя отрицает; если нет такого полезного учреждения, которое не стало бы, наконец, вредным, превратившись таким образом в свою собственную противоположность, то выходит... что нельзя придумать такое общественное устройство, которое было бы *лучшим* для всех веков и народов: все хорошо на своем месте и в свое время. Диалектическое мышление исключало *всякие утопии*»².

Маркс и Энгельс дали научный ответ на вопрос об основе общества и путях его развития, ибо они впервые распростра-

нили материалистическое понимание истории на общественные явления. Доказывая это, Плеханов пишет: «...идеи «посрамлялись» всякий раз, когда они не совпадали с реальными, экономическими интересами того общественного слоя, который является в данное время носителем исторического прогресса. Только понимание этих интересов и может дать ключ к пониманию действительного хода исторического развития»¹. В борьбе с «субъективной социологией» народников, с их метафизическим, идеалистическим взглядом на мир Плеханов в 80—90-х годах XIX в. пропагандирует и отстаивает *диалектический метод и материалистическую теорию* Маркса и Энгельса.

* * *

В своих философских трудах Плеханов дает систематическое изложение «теории развития» Маркса и Энгельса, марксистского диалектического метода. Плеханов указывает, что диалектика «в философии Маркса... превратилась в полную противоположность того, чем она была у Гегеля. Для Гегеля диалектика социальной жизни, как и всякая диалектика конечного вообще, в последнем счете является мистической причиной, природой бесконечного, абсолютного духа. У Маркса она зависит от совершенно реальных причин: от развития средств производства, которыми располагает общество»².

Плеханов доказывает, что только Маркс и Энгельс, а не Гегель и Фейербах, нашли действительную основу общественных отношений. Этой основой является уровень развития материальных производительных сил общества и соответствующие этому уровню производственные отношения. Маркс и Энгельс доказали, что производственные отношения являются базисом, на котором вырастает вся совокупность политических, правовых, идеологических и прочих отношений. Плеханов показывает, что Марксу и Энгельсу удалось найти эту реальную основу политической деятельности людей потому, что они обогатили материализм диалектическим методом, теорией развития.

Диалектический метод мышления не мог победить в философии раньше, чем в науке были сделаны открытия, обосновавшие идею развития.

«Пока в геологии, — писал Плеханов, — придерживались теории катастроф, внезапных революций, одним ударом обновлявших поверхность земного шара и уничтожавших старые виды животных и растений, чтобы дать место появлению новых, способ мышления был метафизический. Но когда от этой теории отказались, поставив на ее место представление о медленном

¹ Плеханов, К вопросу о развитии монистического взгляда на историю, 1938, стр. 140.

² Там же, стр. 59.

¹ Плеханов, К вопросу о развитии монистического взгляда на историю, стр. 71.

² Плеханов, Соч., т. VIII, стр. 160.

развитии земной коры, под влиянием действующих на нее в настоящее время сил, то стали на *диалектическую* точку зрения.

Пока в *биологии* думали, что виды *неизменны*, способ мышления был *метафизический*... Современная биология раз навсегда отказалась от этого взгляда. Теория, носящая имя Дарвина, по своему существу есть *диалектическая теория*¹.

Диалектический метод требует рассмотрения явлений в движении, изменении и развитии. С этого, говорит Плеханов, и надо начинать диалектическое исследование.

Все тела в природе, все явления в обществе находятся в постоянном движении и изменении; в результате этого движения все они переходят в свою противоположность. «Все течет, все изменяется, и нет силы, которая могла бы задержать это постоянное течение, остановить это вечное движение; нет силы, которая могла бы противиться диалектике явлений»².

Все явления переходят в свою противоположность. Жизнь, например, носит в себе зародыш смерти и в конечном итоге переходит в смерть. «Свободное соперничество», т. е. конкуренция, при капитализме ведет к монополии, т. е. к отрицанию соперничества, к своей противоположности. Собственность, приобретенная моим личным трудом, при капитализме может родить мне собственность, созданную трудом другого, т. е. опять-таки превращается в свою противоположность.

Как же понимает Плеханов развитие в природе и обществе? Развитие, говорит Плеханов, это не постепенное увеличение или уменьшение того, что есть. Уже классическая немецкая философия доказала, что количественные изменения в конечном счете ведут к изменению качества. Исходя из этого, Плеханов высмеивает реформистов, которые рассчитывают только на количественные изменения, на постепенное усовершенствование того, что уже есть хорошего, и постепенное устранение того, что есть плохого в обществе. По адресу реформистов он иронически замечает: сколько бы мы ни штопали старые перчатки, из них все равно не получатся новые чулки, сколько бы ни штопали капитализм, из него все равно социализм не вырастет.

Метафизики твердят, что ни в природе, ни в истории скачков не бывает, и представляют возникновение какого-нибудь явления как постепенный рост того, что уже существовало в зародыше, но было маленьким и незаметным. Так, согласно метафизической теории эволюции животного мира, «...в семенной клеточке уже заключается готовое, совершенно развившееся, но микроскопически маленькое животное, так что все «развитие» его сводится к *росту*»³.

¹ Плеханов, Соч., т. VIII, стр. 128.

² Плеханов, К вопросу о развитии монистического взгляда на историю, стр. 44.

³ Там же, стр. 45.

Еще Гегель, говорит Плеханов, неопровержимо доказал, что скачки, перерывы постепенности в природе, в обществе составляют столь же необходимый момент развития, как и постепенные количественные изменения.

«1) *Все конечное*, — пишет Плеханов, — *есть то, что само себя устраняет, переходя в свою противоположность*. Этот переход совершается при помощи своеобразной природы каждого явления: каждое явление содержит силы, порождающие его противоположность.

2) Постепенные *количественные* изменения данного содержания превращаются в конце концов в *качественные различия*. Моменты этого превращения — это моменты *скачка, перерыв постепенности*»¹.

Плеханов приводит ряд естественно-научных примеров, доказывающих переход количественных изменений в качественные, например, различие химического действия солнечных лучей в результате изменения частоты их колебаний; различие между химическими веществами в результате увеличения числа атомов того или иного химического элемента и т. д.

Он пишет: «Наибольшей химической силой отличаются фиолетовые и так называемые за-фиолетовые (ультрафиолетовые. — Авт.) лучи, которые уже не вызывают в нас светового ощущения. Различие в химическом действии солнечных лучей объясняется опять-таки не чем иным, как количественными различиями в колебаниях частиц эфира: *количество переходит в качество*».

То же подтверждает и химия. Озон имеет другие свойства, чем обыкновенный кислород. Откуда это различие? В молекуле озона иное число атомов, чем в молекуле обыкновенного кислорода»².

Плеханов требует отличать качественно различные явления одно от другого и утверждает, что истина всегда конкретна. В доказательство он ссылается на примеры, приводившиеся Чернышевским, — о дожде, Марафонской битве и отечественной войне 1812 г.

В своей книге «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» Плеханов разбирает вопрос о знаменитой гегелевской триаде. Народники, в частности Михайловский, клеветая на Маркса, приписывали ему мнение, будто мир — хочет он того или не хочет — должен развиваться в согласии с гегелевской триадой, будто, по Марксу, общество в любую эпоху должно развиваться в соответствии с триадой.

Плеханов показывает, что Михайловский не понял ни Гегеля, ни Маркса.

Плеханов рассматривает триаду как проявление закона отрицания отрицания; триада позволяет сопоставить отдельные

¹ Плеханов, Соч., т. VIII, стр. 129.

² Плеханов, К вопросу о развитии монистического взгляда на историю, стр. 46.

этапы развития и раскрыть процесс перехода явлений в свою противоположность, причем на высшей ступени развития повторяются некоторые черты первой ступени. Но триада в понимании Маркса и Энгельса вовсе не есть схема, призванная заменить естественно-научные и исторические исследования; представление о развитии в форме триады в каждом отдельном случае не есть заранее данное, а лишь результат исследования действительности.

Иное дело «триада» у Гегеля. Она рассматривалась Гегелем как неотъемлемый и обязательный результат саморазвития абсолютной идеи, как вечный и обязательный принцип развития. Это происходило потому, что «у Гегеля к диалектическому моменту прибавляется также и спекулятивный, благодаря которому его философия и становится идеалистической философией. Как идеалист, Гегель делал то же, что и все другие идеалисты: он придавал особенно важное философское значение таким «результатам» (таким понятиям), которыми очень дорожила также и старая «метафизика»¹.

В ряде работ Плеханов разъяснял значение диалектического закона единства и борьбы противоположностей. Уже в ранних его произведениях есть немало примеров, с помощью которых он доказывает, что противоречия заключены в самой сущности вещей и явлений. «Диалектика, — говорит Плеханов, — не имеет ничего общего со скептической терпимостью светских людей, но и она умеет соглашаться прямо противоположные отвлеченные положения... Жизнь сама носит в себе зародыши смерти и... вообще всякое явление противоречиво в том смысле, что оно само из себя развивает те элементы, которые, рано или поздно, положат конец его существованию, превратят его в его собственную противоположность»².

Плеханов указывал на противоречивый характер механического движения: движущееся тело находится в данный момент в данной точке и в то же время уже не находится в ней, иначе оно оставалось бы неподвижным. Рассматривая общественные отношения, Плеханов показывал, что все классовые общества имели источником своего развития классовую борьбу. Плеханов признавал наличие внутренних противоречий в природе и обществе, но серьезная ошибка Плеханова заключалась, как указал Ленин, в том, что Плеханов не понимал значения закона единства и борьбы противоположностей как главного, основного закона диалектики, не понимал, что единство и борьба противоположностей есть источник всякого движения и развития.

В последних годах XIX в. (1898—1900) Плеханов выступил в защиту марксистского диалектического метода против фило-

¹ Плеханов, К вопросу о развитии монистического взгляда на историю, стр. 171.

² Там же, стр. 43—44.

софского ревизионизма Бернштейна, К. Шмидта, Струве и К^о. С позиций диалектического материализма Плеханов дал критику невероятных пошлостей ревизионизма. Плеханов правильно утверждал, что Бернштейн предпринял «пересмотр» теории марксизма для того, чтобы изгнать из марксизма его революционный дух, что Бернштейн, Струве и К^о хотят уничтожить «живую душу» марксизма, его революционную диалектику.

В борьбе с философским ревизионизмом Плеханов показывал, что диалектика не только не опровергнута, но все снова и снова подтверждается ходом новейшей истории. «Маркс говорит, — пишет Плеханов, — что немецкие философы увлекались диалектикой в то доброе старое время, когда они знали ее лишь в ее мистифицированном виде и воображали, что она может служить для оправдания их консервативных стремлений, но тотчас же и решительно отвернулись от нее, когда узнали ее настоящий характер и поняли, что она рассматривает все существующее с его преходящей стороны, что она критична по самому своему существу».

История повторяется. Бернштейн открывает поход против диалектики, ибо буржуазные филистеры, которых он представляет, видят в диалектике теорию, обрекающую на гибель строй, слугами которого они являются.

Возражая буржуазному либералу Струве, утверждавшему, что современная общественная жизнь «опровергает» диалектику и что в обществе происходит якобы притупление противоречий, что понятие социальной революции несостоятельно, ибо «интеллект не терпит скачков», Плеханов писал:

«Если понятие — социальная революция несостоятельно потому, что природа скачков не делает, а интеллект их не терпит, то, очевидно, что эти решительные доводы должны в одинаковой мере относиться как к революции буржуазии, так и к революции пролетариата. А если революция буржуазии давно уже совершилась, несмотря на то, что скачки «невозможны», а изменения «непрерывны», то у нас есть все основания думать, что в свое время совершится и революция пролетариата...»¹

Эта диалектическая позиция Плеханова дала ему возможность в 1898—1900 гг. отстаивать философию марксизма от бернштейнианского ревизионизма.

Но пропагандируя и отстаивая марксистский диалектический метод, Плеханов сам совершал отдельные ошибки, впоследствии усиленные и углубленные им. Плеханов не понимал, что диалектика и есть теория познания марксизма, и считал, что марксистская теория познания целиком совпадает с теорией познания Фейербаха.

Вместе с тем Плеханов не проводил достаточно глубокого различия между гегелевским диалектическим методом и диалектическим методом Маркса. Диалектический метод рассмат-

¹ Плеханов, Соч., т. XI, стр. 242.

ривался Плехановым как органическая составная часть немецкой идеалистической философии, хотя речь все время шла о марксовом истолковании диалектического метода Гегеля. Отсюда в последствии выросла плехановская точка зрения «синтеза» — неправильное утверждение, будто бы философия марксизма есть синтез гегелевской диалектики и фейербаховского материализма.

Но когда Плеханов говорил о диалектическом методе в современной науке и о диалектическом методе в применении к общественной жизни, он вкладывал в это понятие марксистское, материалистическое содержание.

* * *

Одна из главных задач, которую ставил перед собой Плеханов в 80—90-х годах прошлого века, заключалась в том, чтобы опровергнуть утверждения Михайловского и других идеологов народничества, будто материалистическое понимание истории не связано с материализмом «в общеполитическом смысле».

Плеханов на огромном фактическом материале из истории права, искусства, науки, философии доказывал, что материалистическое понимание истории Маркса и Энгельса есть применение к общественной жизни философского материализма, что материалистическое понимание истории построено на тех же принципах, что и материалистическое понимание природы.

«Маркс, — пишет Плеханов, — объясняет историческое развитие человечества не *природой человека*, а свойствами тех общественных *отношений* между людьми, которые возникают при воздействии общественного человека на *внешнюю природу*»¹.

Но если Плеханов подробно и обстоятельно излагает в своих работах основные идеи исторического материализма Маркса и Энгельса, то собственно философскому материализму Маркса и Энгельса и их теории познания в работах Плеханова 80—90-х годов отведено мало места.

И это не случайно, ибо Плеханов считал, что теория познания Маркса тождественна теории познания Фейербаха. И в работе «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» и в «Очерках по истории материализма» Плеханов рассматривал материализм Фейербаха и материализм Маркса нераздельно и не подчеркивал глубокого различия между диалектико-материалистической теорией познания Маркса и *антидиалектической* материалистической теорией познания Фейербаха. В этой связи уместно вспомнить слова Ленина:

«Плеханов написал о философии (диалектике), вероятно, до 1 000 страниц (Бельтов + против Богданова + против кантиан-

цев + основные вопросы etc. etc.). Из них о большой логике, по поводу нее, ее мысли (т. е. собственно диалектика, как философская наука) nil!»¹.

Несмотря на недостатки и отдельные ошибки в философских взглядах Плеханова, он сыграл в 80—90-х годах XIX в. огромную роль в пропаганде марксистского философского материализма.

Во всех своих работах Плеханов устанавливает полную противоположность материализма идеализму. Он доказывает, что явления природы надо выводить не из тех или иных свойств *духа*, а из *материи*.

Защищая материалистический взгляд о первичности материи и вторичности сознания, Плеханов показывает, что человеческий разум не может быть демиургом, творцом истории, ибо сам человеческий разум — продукт истории. В примечаниях к переводу книги Энгельса «Людвиг Фейербах» Плеханов показывает, как современная наука опровергает идеализм и в частности философию Канта.

«Перенесемся, — писал Плеханов, — мысленно в ту эпоху, когда на земле существовали только весьма отдаленные предки человека, — например, во вторичную эпоху. Спрашивается, как обстояло *тогда* дело с пространством, временем и с причинностью? *Чьими* субъективными формами были они в то время? Субъективными формами ихтиозавров? И *чей* рассудок диктовал *тогда* свои законы природе? Рассудок археоптерикса? На эти вопросы философия Канта *не может дать ответа*. И она должна быть отвергнута, как совершенно несогласимая с современной наукой.

Идеализм говорит: *без субъекта нет объекта*. История земли показывает, что *объект существовал гораздо раньше, чем появился субъект*, т. е. гораздо раньше, чем появились организмы, обладающие заметной степенью сознания. Идеалист говорит: *рассудок диктует природе ее законы*. История органического мира показывает, что «рассудок» появляется лишь на высокой ступени лестницы развития. А так как это развитие может быть объяснено только законами природы, то выходит, что природа продиктовала рассудку его законы. Теория развития *обнаруживает истину материализма*².

Идеалисты утверждают, что поскольку каждый шаг в усовершенствовании орудий труда требует новых усилий человеческого ума, то ум есть главный двигатель исторического прогресса.

Плеханов опровергает эту точку зрения идеализма и доказывает, что, «действуя на природу вне его, человек изменяет свою собственную природу. Он развивает все свои способности, а между ними и способность к «деланию орудий». Но в каждое

¹ Плеханов, К вопросу о развитии монистического взгляда на историю, стр. 129, Примечание.

¹ Ленин, Философские тетради, стр. 283.

² Плеханов, Соч., т. VIII, стр. 392—393.

данное время мера этой способности определяется мерой уже достигнутого развития производительных сил.

Раз орудие труда становится предметом производства, самая возможность, равно как большая или меньшая степень совершенства его изготовления, целиком зависит от тех орудий труда, с помощью которых оно выделяется»¹.

Плеханов на примерах из общественной жизни показывает первичность материи (бытия) и вторичность человеческих идей (сознания). Так, разбирая вопрос о происхождении правовых учреждений, Плеханов говорит, что они вытекают из материальных, в данном случае имущественных, отношений людей: «То обстоятельство, что данная совокупность правовых учреждений полезна или вредна для общества, никоим образом не может зависеть от свойств какой бы то ни было или чьей бы то ни было «идеи»: оно зависит... от тех способов производства и от тех взаимных отношений между людьми, которые создаются этими способами»².

Если в древнем Риме идеологи передовых групп общества резко выступали против *денежного ростовщичества* и снисходительно терпели *ссуды натурой*, то это, как говорит Плеханов, происходило потому, что ростовщический капитал производил страшное опустошение в тогдашнем римском обществе. Общинная собственность на средства производства была совершенно необходимой для процесса первобытного производства и стала тормозить развитие производительных сил, как только разделение труда в первобытно-общинном строе создало более широкое поле для приложения индивидуальных усилий. Поэтому общинная собственность «уступает место *личному присвоению*: в правовых учреждениях общества совершается более или менее быстрый переворот. Этот переворот необходимо сопровождается переворотом в правовых понятиях людей: люди, которые прежде думали, что хороша только общественная собственность, стали думать теперь, что в некоторых случаях лучше *единичное присвоение*»³.

Плеханов проводит четкое различие между законами мышления и законами объективного мира, в то же время не допуская отрыва этих двух рядов законов друг от друга.

«Что в развитии человеческой мысли, — говорит Плеханов, — точнее сказать в *сочетании человеческих понятий и представлений, есть свои особенные законы*, этого, насколько нам известно, не отрицал ни один из «экономических» материалистов (так именовали народники марксистов. — *Авт.*). Никто из них не отождествлял, например, законов логики с законами товарного обращения. Но, тем не менее, ни один из материалистов этой

¹ Плеханов, К вопросу о развитии монистического взгляда на историю, стр. 77.

² Там же, стр. 89.

³ Там же, стр. 93.

разновидности не находил возможным искать в законах мышления последней причины, *основного двигателя* умственного развития человечества. Именно это-то отличает в *выгодную сторону* «экономических материалистов» от идеалистов и особенно от эклектиков»¹. Проводя различие между законами развития природы и материального производства, с одной стороны, и законами развития идеологий — с другой, Плеханов доказывает, что изменения последних в конечном счете определяются изменениями, происходящими в материальной основе общественной жизни, в производительных силах общества.

Популяризируя марксистскую теорию познания, Плеханов доказывает, что человечество способно познать мир, что человеческое познание способно привести к объективной истине. Наше познание содержит в себе противоречие, ибо достигнутый в данный момент человечеством уровень знаний не является окончательным и знания об окружающей нас действительности будут расширяться в ходе развития общества. Но противоречия отнюдь не отрицают объективной истины, а ведут к ней. Если мы говорим, указывает Плеханов, об открытиях Коперника и Дарвина, об открытии Маркса, то перед нами — образцы объективной истины. Плеханов пишет: «...правильный взгляд, результат всестороннего рассмотрения действительности, есть уже *объективная истина*, которую не устранят никакие дальнейшие противоречия. Еще автор примечаний к Миллю (Н. Г. Чернышевский. — *Авт.*) с одушевлением говорил:

То, что жизнью взято раз,
Не в силах рок отнять у нас...

В применении к знанию это безусловно верно. Никакой рок не в силах отнять теперь у нас ни открытий Коперника, ни открытия превращения энергии, ни открытия изменчивости видов, ни гениальных открытий Маркса»².

Плеханов не рассматривал объективную истину как мертвую догму, как истину «в последней инстанции», истина для него — процесс.

«Но ведь не остановится же человеческая мысль на том, что вы называете открытием или открытиями Маркса?» — спрашивают Плеханова. — «Конечно, нет, господа! — отвечает он. — Она будет делать новые открытия, которые будут дополнять и подтверждать эту теорию Маркса, как новые открытия в астрономии дополняли и подтверждали открытия Коперника»³.

Защищая марксистский взгляд по вопросу о познаваемости мира, Плеханов вместе с тем допускает уже в 90-х годах от-

¹ Плеханов, К вопросу о развитии монистического взгляда на историю, стр. 110.

² Там же, стр. 114.

³ Там же, стр. 114—115.

дельные ошибки в истолковании марксистской теории познания. В своей работе «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» он некритически воспринимает ошибочную мысль русского физиолога-материалиста Сеченова о том, что человеческие представления о внешних, материальных предметах являются лишь «условными знаками», а не копиями, изображениями вещей. В первоначальной редакции примечаний к первому русскому изданию книги «Людвиг Фейербах» (1892) Плеханов, приводя мысль Сеченова, пишет: «Наши ощущения — это своего рода иероглифы, доводящие до нашего сведения то, что происходит в действительности. Иероглифы не похожи на те события, которые ими передаются. Но они могут совершенно верно передавать как самые события, так — и это главное — и те отношения, которые между ними существуют»¹.

Это ошибочное утверждение Плеханова, согласно которому человеческие ощущения дают не отражения, копии объективно существующих вещей, а лишь «иероглифы», говорит о том, что Плеханов не всегда последовательно стоял на диалектико-материалистических позициях в вопросах теории познания.

Пропагандируя философский материализм, Плеханов не обратил внимания на указание Энгельса о том, что материализм принимает новую форму с каждым новым, составляющим эпоху открытием в естествознании. В 1904 г., при подготовке второго издания книги «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», Плеханов писал: «...современное естествознание опровергает именно идеализм, а не диалектику. Поскольку диалектика сама становится материалистической, как это мы видим у Маркса и Энгельса, она всецело представляет собой тот самый метод, которым пользуются современные науки о природе и об обществе, — естествознание и социология. Но современные натуралисты и социологи чаще всего пользуются своим методом бессознательно и потому сами не имеют надлежащего понятия ни о нем самом, ни о его великом значении»². Эта правильная и глубокая мысль Плеханова, однако, не находит достаточного отражения в его работах.

Только Ленин философски обобщил новейшие открытия естествознания и доказал, что они полностью подтверждают диалектический материализм.

* *
*

Плеханов признавал, что изменения в материальных производительных силах и вызванные ими изменения в общественных отношениях людей влекут перемены в «состоянии умов», в идеях, чувствах, верованиях людей. «Идеи, чувства и верования

сочетаются по своим особым законам, — говорит Плеханов. — Но эти законы приводятся в действие внешними обстоятельствами, не имеющими ничего общего с этими законами», т. е. в силу того, «...что выдвинулся новый общественный слой или класс, который уже не мог жить так, как жили люди старого времени»¹.

В чем же состоит материальная основа тех изменений, которые происходят в общественных отношениях людей? Отвечая на этот вопрос, Плеханов разъясняет, что наиболее существенной чертой человеческого общества, отличающей его от животного мира, является материальное производство. Фейербах, как известно, считал, что человек отличается от обезьяны тем, что имеет свою точку зрения. Это, конечно, оригинальное положение, но оно неправильно, ибо, прежде чем определить свою точку зрения на мир, человек должен был произвести орудия и средства труда, при помощи которых он воздействовал на окружающий мир. Плеханов не разделяет точку зрения Фейербаха и считает, что прав Франклин, рассматривавший человека, как «животное, делающее орудия». Вовсе не отрицая роли разума в общественной жизни, Плеханов считает, что усилия человеческого ума не могут быть признаны причиной развития производительных сил. Нельзя объяснить усилиями ума возникновение у человекоподобных предков человека рук, благодаря которым он вырабатывает орудия труда, благодаря которым человеческий разум делает столь большие успехи.

Чем же объяснить развитие производительных сил? «...У каждого данного народа, в каждый данный период его истории, — говорит Плеханов, — дальнейшее развитие его производительных сил определяется состоянием их в рассматриваемый период»².

Плеханов доказывает, что необходимо искать причины развития общества в самом обществе.

Так, например, причина появления рабства и роста производительных сил при рабовладельческой системе производства объясняется не тем, что греки в силу «промахов разума» считали рабовладельческий строй наилучшим. Нет, говорит Плеханов, было время, когда и у греков не было рабства и они не считали рабовладельческий строй естественным явлением. Причина появления рабства состоит в том, что достигнутый уровень производительных сил сделал возможным превращение пленных в рабов, т. е. создал возможность присвоения произведенных ими продуктов. «Придумать» этот строй людей не могли раньше, чем рабочая сила раба получила возможность производить столько продуктов, чтобы часть их могла поступить в распоряжение собственника средств производства. Из-

¹ Плеханов, Соч., т. VIII, стр. 408.

² «Литературное наследие Г. В. Плеханова», сб. IV, 1937, стр. 207.

¹ Плеханов, К вопросу о развитии монистического взгляда на историю, стр. 111.

² Там же, стр. 79.

менение уровня производительных сил общества объясняет также и переход от рабского труда к крепостному.

Однако, что же заставляет производительные силы идти вперед и изменять свой уровень?

Плеханов обращается к географической среде. Он считает, что у человека есть постоянная способность изобретать, а вот удалось ли человеку употребить в дело эту свою способность изобретать или нет, — зависит от географической среды. «В историческом процессе развития производительных сил, — говорит Плеханов, — способность человека к «деланию орудий» приходится рассматривать прежде всего как *величину постоянную*, а окружающие внешние условия употребления в дело этой способности — как *величину постоянно изменяющуюся*»¹.

Это, несомненно, ошибочный взгляд, ибо способы воздействия человека на природу, его способности к изобретению новых орудий и средств труда изменчивы, а не постоянны. Сами они определяются тем *способом материального производства*, который господствует в данную историческую эпоху. Преувеличивая роль географической среды, Плеханов совершал ошибку.

Следует отметить также другой недостаток в изложении Плехановым исторического материализма. Плеханов иногда рассматривал производительные силы и экономические отношения людей изолированно, оторванно друг от друга. Он, например, анализировал как стоящие рядом такие социальные явления, как «психология» общества и его «экономика», считая их функциями производительных сил общества. Получается так, что производительные силы анализируются отдельно, производственные отношения — отдельно, а психология людей, их идеи оказываются независимыми от экономических общественных отношений людей. Эту ошибку Плеханов усугубил в своей книге «Основные вопросы марксизма» и других работах, написанных в первой четверти XX в.

Однако, несмотря на отдельные ошибочные положения, Плеханов дал блестящие доказательства правильности материалистического понимания истории.

Плеханов показал, что на основе знания законов материального производства передовые классы общества могут организовать свою свободную, сознательную деятельность. Люди, говорил он, часто не задумываются над тем, к каким общественным последствиям приводят их действия. Из сознательных, как бы свободных поступков людей вытекают неожиданные, непредвиденные последствия, касающиеся всего общества: «...общественные отношения людей, — пишет Плеханов, — не представляют собой плода их сознательной деятельности. Люди сознательно преследуют свои частные, личные цели. Каждый из них сознательно стремится, положим, к округлению

¹ Плеханов, К вопросу о развитии монистического взгляда на историю, стр. 76—77.

своего состояния, а из совокупности их отдельных действий выходят известные общественные результаты, которых они, может быть, совсем не желали и, наверное, не предвидели»¹.

Так, например, когда зажиточные римские граждане скупали земли бедных землевладельцев, то они не предвидели, что латифундии погубят республику, а с нею и Италию.

Теория, философия должны найти законы, по которым развиваются общественные отношения людей, чтобы дать научные, непоколебимые основы для практической деятельности людей. Мы — рабы собственных общественных отношений, говорит Плеханов, пока не знаем их сущности, но мы можем быть господами общественных отношений, как только мы познаем их законы. «Раз мне известны законы общественно-исторического движения, я могу влиять на него, сообразно моим целям, не смущаясь ни проделками шальных атомов, ни тем соображением, что мои соотечественники, в качестве существ, одаренных свободной волей, готовят мне каждую данную минуту целые вороха самых удивительных сюрпризов»².

Свобода выступает здесь как познанная необходимость. Поскольку передовые люди общества познали законы общественного развития, поскольку они знают, в каком направлении развитие происходит, они ставят перед собой такие цели и задачи, которые на данной ступени общества в состоянии решить. В этом процессе свободной, сознательной деятельности людей немалую роль могут сыграть создаваемые ими политические учреждения, их идеи. Политические учреждения и идеи влияют на экономику общества двояким образом: они либо содействуют развитию данной экономики, либо препятствуют ему. Передовые силы общества, разделяющие прогрессивные идеи, создают такие политические учреждения и организации, которые будут способствовать освобождению человека из-под власти экономической необходимости, т. е. старого, отжившего строя.

«Сознав, что причина его порабощения его собственным продуктом лежит в анархии производства, производитель («общественный человек») организует это производство и тем самым подчиняет его своей воле. Тогда оканчивается царство *необходимости*, и воцаряется свобода, которая сама оказывается *необходимостью*. Пролог человеческой истории сыгран, начинается история»³.

При помощи принципов исторического материализма Плеханов обосновывал необходимость пропаганды революционных идей. Плеханов правильно считал, что «бороться против

¹ Плеханов, К вопросу о развитии монистического взгляда на историю, стр. 63.

² Там же.

³ Там же, стр. 129.

вредных последствий нашего капитализма и у нас можно будет лишь в той мере, в какой будет развиваться самосознание производителя»¹. Словами «самосознание производителя» в подцензурной, легально вышедшей книге Плеханов обозначал идеологию революционного пролетариата.

Большое значение в борьбе против идеализма народников, за торжество марксизма в России имели высказывания Плеханова о *законах общественного развития*.

В течение 60—80-х годов народники вслед за славянофилами искали «закон самобытного развития России». Но когда развитие капиталистической экономики в России показало, что «закон самобытного развития России» терпит крах, что Россия повторяет путь, по которому шли страны капитализма, то народник Воронцов и другие идеологи народничества стали утверждать, что никаких исторических законов в обществе нет и быть не может. История, с их точки зрения, развивается согласно желаниям передовых людей общества, выдвигающих «идеальные планы» переустройства общества и осуществляющих эти планы. Социальные отношения, говорил Воронцов, производное духовного мира человека. В общественной жизни не раз осуществлялись самые неразумные и нелепые мнения, самые неразумные и нелепые планы. Почему бы не осуществиться, говорили идеологи народничества, нашим мнениям и нашим планам, которые, слава богу, очень далеки от нелепости и неразумности?

«Итак, — возражал Плеханов защитникам субъективного метода в социологии, — есть возможность известных преобразований, потому что их призывают мои идеалы, потому что я считаю эти преобразования полезными. Считаю же я их полезными потому, что мне хочется считать их такими. За исключением объективного мерила, у меня нет другого критерия, кроме моих желаний. Нраву моему не препятствуй! — вот последний довод субъективный»².

Плеханов показал, что эта субъективно-социологическая точка зрения на историю общества и ее законы не представляет собой чего-либо оригинального и нового. В действительности она есть не что иное, как «суздальский», лубочный снимок с исторической теории левогегельянцев Бруно Бауэра, Шелиги и др., доказывавших, что историю общества каждый его деятель изменяет на свой лад. Плеханов приводит следующую выдержку из работы левогегельянца Шелиги:

«Объективность историка есть, подобно всякой объективности, не больше как простая болтовня. И вовсе не в том смысле, что объективность есть недостижимый идеал. До объективности, т. е. до взгляда, свойственного большинству, до мирозерцания массы, историк может только *унизиться*. А раз

¹ Плеханов, Соч., т. VII, стр. 284.

² Плеханов, К вопросу о развитии монистического [взгляда на историю, стр. 115.

он поступает так, он перестает быть творцом, он работает из-за почасовой платы, он становится наемником своего времени»¹.

Точка зрения народников на историю общества и ее законы, как две капли воды, тождественна с взглядами левогегельянцев.

Следуя левогегельянцам, Воронцов и К^о считали себя слишком высоко стоящими, чтобы «унизиться» до настоящей истории, творимой народными массами. Они полагали, что историю творят герои и «критически мыслящие» личности. Изображая историю как цепь произвольных желаний и поступков великих людей, они не считались с ее действительными законами, а конструировали вымышленную, фантастическую связь между общественными явлениями, искажая реальный ход исторического процесса. Так, например, они скрывали тот непреложный факт, что капитализм привел к небывалому росту производительных сил и культуры, и считали, что всякое «усложнение» общественной жизни, всякая ее «дифференциация», в частности разделение труда, является регрессом.

Народники считали, далее, неотъемлемым принципом истории общества так называемый трудовой принцип собственности: «Мне принадлежит только то, что создано моим трудом». Плеханов говорит, что под сенью этого абстрактного и надуманного «принципа» скрывается тот очевидный факт, что «собственность, приобретенная моим личным трудом, родит мне собственность, созданную трудом другого», т. е. что продукты, созданные личным трудом и превращенные в товары, могут быть использованы для капиталистического воспроизводства. Такое положение, говорит Плеханов, имеет место в хозяйстве чуть ли не каждого зажиточного кустика и зажиточного сельского домохозяина. Но этого факта не желают замечать народники, и это говорит о том, что они неспособны к научной объективности, неспособны открыть подлинные законы движения общества.

Еще более ярким примером неправильных, надуманных «законов» общественного развития является народническая формула «исторического прогресса». Эту формулу, заимствованную в основном у буржуазных социологов, Михайловский формулировал следующим образом: «Прогресс есть постепенное приближение к целостности неделимых, к возможно полному и всестороннему разделению труда между органами и возможно меньшему разделению труда между людьми. Безнравственно, несправедливо, вредно, неразумно все, что задерживает это движение. Нравственно, справедливо, разумно и полезно только то, что уменьшает разнородность общества, усиливая тем самым разнородность его отдельных членов»².

¹ См. Плеханов, К вопросу о развитии монистического взгляда на историю, стр. 115.

² Михайловский, Соч., т. I, 1906, стр. 166.

Плеханов доказал, что формула Михайловского никому ничего не объясняет, что она бессильна вскрыть причины поступательного движения общества и смены его форм. Да этой задачи и не ставит перед собой Михайловский; он дает только «гигиенический рецепт», указывающий, каким должно быть общество, каким путем должна идти история согласно точке зрения его, Михайловского, и его единомышленников.

Формула «исторического прогресса» Михайловского строится на принципах так называемого «органического развития», т. е. на выводах из биологии. Следуя за позитивизмом, Михайловский искал фундамент общественной науки в биологии. «Основная наша задача, — говорит он, — состоит все-таки в определении, с точки зрения Дарвиновой теории, взаимного отношения между физиологическим разделением труда, т. е. разделением труда между органами в пределах одного неделимого, и разделением труда экономическим, т. е. разделением труда между целыми неделимыми в пределах вида, расы, народа, общества»¹.

Плеханов, споря с Михайловским, доказывает, что недопустимо, оставаясь на почве науки, забывать об исторической обусловленности общественных отношений людей в различные эпохи.

В чем неправильность аналогии, проводимой Михайловским между обществом и физиологией человеческого организма?

Народники, говорит Плеханов, забывают о существовании такого коренного отличия человеческого общества от животного мира, как производство орудий и средств производства. Им нет никакого дела до того, что в обществе происходит поступательное развитие промышленности, культуры и классовый борьбы, ибо с точки зрения их формулы «исторического прогресса» все это наносит вред человеку как «неделимому целому». Идеологи народничества не могут правильно понять законов общественного развития, ибо для них история общества — это не история материальных общественных отношений людей, не история народных масс, производящих материальные блага, а история выдающихся личностей, «героев», «творящих» общественную жизнь сообразно своим идеальным планам и проектам.

В полемике против народников, отрицавших наличие закономерностей в развитии общества, Плеханов разоблачил народнические измышления, что марксизм — якобы фаталистическое учение, игнорирующее активную роль личности в истории. Марксистская философия утверждает, что выдающиеся люди, гениально схватывающие смысл общественных явлений, умеющие с помощью науки познать законы развития общества, могут влиять на ускорение хода общественного развития. Пле-

¹ См. Плеханов, К вопросу о развитии монистического взгляда на историю, стр. 176.

ханов показывает, что выдающиеся личности могут сыграть большую роль в истории, если их деятельность находится в соответствии с законами общественного развития, и ускоряет это развитие, если они становятся на сторону передового, прогрессивного класса общества и борются за его интересы.

Но если марксисты признают большую роль личности в истории, то вместе с тем они считают, что выдающаяся личность может превратиться в ничто, если ее идеи, пожелания и действия будут идти вразрез с потребностями общества.

Плеханов высмеивает народнические теории об «идеалах», сообразно которым «герои», вопреки экономической необходимости, будут переделывать мир.

Критикуя взгляд народников, которые полагали, что Россия, несмотря ни на что, должна миновать стадию капиталистического развития, Плеханов приводит следующее сравнение.

Привели доброго молодца в каменный острог, посадили за запоры железные, окружили стражей неусыпной. Добрый молодец только усмехается. Он берет заранее припасенный уголек, рисует на стене лодочку, садится в нее и... прощай тюрьма, прощай стража неусыпная, добрый молодец опять гуляет по свету белому.

«Уже со времени отмены крепостного права, — пишет Плеханов, — Россия явно выступила на путь капиталистического развития. Гг. субъективисты прекрасно видят это, они сами утверждают, что старые экономические отношения разлагаются у нас с поразительной, все более и более увеличивающейся скоростью. Но это ничего, — говорят они один другому: мы посадим Россию в лодочку наших идеалов, и она уплывет с этого пути за тридевять земель, в тридешатое царство.

Гг. субъективисты хорошие сказочники, но... «вот и все!» Вот и все, — а ведь этого страшно мало, и никогда еще сказки не изменяли исторического движения народа, по той же самой прозаической причине, по которой ни один еще соловей не был накормлен баснями»¹.

Плеханов опровергает народнические измышления о фатализме и квиетизме марксистов, о том, что русским марксистам безразличны страдания народных масс, втягиваемых в орбиту капитализма и т. д.

В своей работе «Странное недоразумение» (это первоначальная редакция одной из глав книги «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю») Плеханов писал, что марксисты не будут плакать над цифрами, как это делали народники, занимающиеся в деревне собиранием статистических сведений и повергающие крестьян в изумление отчаянным воплем: «Пропала Расея!» Как истинный патриот русского народа, горячо любивший свою родину и еще более горячо ненави-

¹ Плеханов, К вопросу о развитии монистического взгляда на историю, стр. 143.

девший ее угнетателей, Плеханов говорил, обращаясь к народникам: «...усвоив воззрения Маркса, мы знаем, что нам делать, и уж, конечно, не станем сидеть сложа руки... Да, господа, с вашего позволения поработают на благо русского народа и ученики Маркса. Если вы полагаете, что, по их мнению, все идет и пойдет само собою, то этим вы только доказываете лишний раз свое непонимание марксовской теории. Вы думаете, что ученики Маркса смотрят на общественную жизнь, как смотрел, по словам раешников, граф Паскевич на пожар Варшавы: Варшава горит, а граф Паскевич стоит, ничего не говорит, только говорит, — пущай себе горит. Но вы очень ошибаетесь; мы вовсе не говорим: «пущай себе горит». Мы считаем нужным и — это главное — возможным действовать»¹. Все помыслы Плеханова, а также его революционная борьба в первое 20-летие его деятельности как марксиста (1883—1903) были отданы служению делу освобождения рабочего класса и всего народа России от невиданно-дикого реакционного царизма.

Плеханов доказывал, что фаталистами являются именно народники, которые все свои надежды возлагают на случай, на освобождение народа благодаря усилиям «критически мыслящей» личности. Народ, по их мнению, якобы неспособен к самостоятельному историческому движению, он пригоден только к тому, чтобы ожидать, пока какой-нибудь «идеальный проект» или какая-нибудь реформа сверху выведет его из тяжелого положения. Плеханов показал, что этот народнический взгляд по существу своему бесперспективен и оставляет народные массы во власти случая. «Пока, — говорит Плеханов, — существуют «герои», воображающие, что им достаточно просветить свои собственные головы, чтобы повести толпу всюду, куда им угодно, чтобы лепить из нее, как из глины, все, что им вздумается, — царство разума остается красивой фразой, благородной мечтой. Оно начнет приближаться к нам семимильными шагами лишь тогда, когда сама «толпа» станет героем исторического действия и когда в ней, в этой серой «толпе», разовьется соответствующее этому самосознание... Субъективная философия кажется нам вредной именно потому, что она мешает интеллигенции содействовать развитию этого самосознания, противопоставляя толпу героям, воображая, что толпа есть не более, как совокупность нулей, значение которых зависит лишь от идеалов становящегося во главе героя»².

Марксисты редуцируются более высокими идеальными побуждениями, чем любое другое общественно-политическое течение. Историк и экономист, стоящие на марксистских позициях, должны быть объективными в исследовании действительности, и именно поэтому они становятся на сторону народных

масс. Мало одного нравственного негодования по поводу бедствий масс при капитализме, мало одного осуждения капиталистических порядков, — надо глубоко знать законы общественного развития, надо вникнуть в находящиеся вне нашего сознания материальные общественные отношения и уметь определить пути их изменения. Если бы врач, говорит Плеханов, вместо того чтобы изучить действительный ход болезни и состояние организма больного, с тем чтобы прописать ему соответствующий рецепт, стал бы ограничиваться только выражением сочувствия больному и нравственным негодованием по поводу его заболевания, — такой врач был бы достоин насмешки.

Признав факт развития капитализма в России, марксисты показали, что в недрах капитализма возникают предпосылки для создания революционным путем нового, справедливого общественного строя. Они указывают, что капитализм создает такую силу, как пролетариат, который осуществит историческую миссию освобождения человечества и построит социалистическое общество. Плеханов пишет: «*Ликующие*» (так народники окрестили марксистов. — Авт.) *опираются на уже отживающую действительность*, под которой зарождается новая действительность, действительность будущего, служить которой значит содействовать торжеству «*великого дела любви*»¹.

В величайшей борьбе рабочего класса за новую, нарождающуюся действительность, за социализм, исключительную роль играют передовые, революционные идеи.

Социалистическая идеология способствует организации народных масс на борьбу за свержение старой, отжившей и утверждение новой, нарождающейся действительности.

Придавая исключительное значение роли теории в жизни общества, Плеханов вспоминает замечательную негритянскую легенду о сыновьях первой человеческой пары. Жили два брата: черный и белый. Им был предоставлен выбор: выбрать знание или богатство. Один выбрал золото, другой — книгу. Прошло долгое время, пока старший, взявший богатство, понял, что было бы гораздо лучше запастись знаниями, а не золотом.

В обществе, говорит Плеханов, случилось несколько иначе: буржуазия взяла себе и богатство и науку, и знания и золото. «...Настало время, — говорит он, — когда обделенный историей рабочий класс вышел из детского возраста, и буржуазии пришлось с ним делиться. У нее осталось золото, между тем как ее младший брат получил «книгу», благодаря которой он, несмотря на мрак и холод своих подвалов, стал теперь уже силен и страшен. Мало-по-малу научный социализм вытесняет буржуазные теории со страниц этой магической книги, и скоро пролетариат прочтет в ней, как завоевать ему материальное

¹ «Литературное наследие Г. В. Плеханова», сб. IV, стр. 20.

² Плеханов, К вопросу о развитии монистического взгляда на историю, стр. 130—131.

¹ Плеханов, К вопросу о развитии монистического взгляда на историю, стр. 116.

довольство. Тогда он сбросит с себя позорное иго капитализма и покажет буржуазии, «насколько наука выше богатств»¹.

Плеханов указывал русскому обществу на то, что марксисты отнюдь не игнорируют роль передовых идей в общественной жизни, но считают, что только научное знание, только передовая теория может вывести человечество на путь освобождения.

Плеханов горячо пропагандировал марксистскую материалистическую теорию о происхождении идеологий и, привлекая огромный фактический материал, показал материальную основу общественных идей.

Он показал *активную роль* идей в общественной жизни, выясняя, как научная теория, внесенная в рабочее движение, становится величайшей материальной силой, когда ею овладевают массы.

* *
* *
* *

Когда мы говорим о Плеханове и его роли в пропаганде философии марксизма, необходимо вспомнить то, что писал в 1921 г. Ленин:

«...*Нельзя* стать сознательным, *настоящим* коммунистом без того, чтобы изучать — именно *изучать* — все, написанное Плехановым по философии, ибо это лучшее во всей международной литературе марксизма»².

Эта оценка относится главным образом к первому двадцатилетию марксистской литературной деятельности Плеханова — к 1883—1903 гг. Характеризуя теоретическую деятельность Плеханова в эти годы, Ленин писал:

«Его личные заслуги громадны в прошлом. За 20 лет, 1883—1903, он дал массу превосходных сочинений, особенно против оппортунистов, махистов, народников»³.

✓ Впоследствии Плеханов, который являлся одним из основателей марксистской социал-демократической партии России, отошел от марксизма к оппортунизму. Эта идейная «эволюция» Плеханова от революционного марксизма к оппортунизму, начавшаяся после 1903 г., произошла в результате обострения классовой борьбы и размежевания подлинно революционных элементов рабочего движения и элементов колебавшихся и соглашательских.

Но в прошлом, в 80—90-х годах XIX в., когда марксистская социал-демократическая партия в России зарождалась, Плеханов теоретически, идейно прокладывал путь социал-демократическому движению. Плехановская группа «Освобождение труда» теоретически основала российскую социал-демократию и сделала первый шаг навстречу рабочему движению. Уже в 1889 г., на I конгрессе II Интернационала, Плеханов высказал

¹ Плеханов, Соч., т. II, стр. 67—68.

² Ленин, Соч., т. XXVI, стр. 135.

³ Ленин, Соч., т. XVII, стр. 415—416.

замечательную мысль, что революционное движение в России может восторжествовать только как революционное движение рабочего класса.

Энгельс высоко ценил работы Плеханова. По поводу «Наших разногласий» он писал участнице плехановской группы «Освобождение труда» Вере Засулич:

«...Я горжусь тем, что среди русской молодежи существует партия, которая искренне и без оговорок приняла великие экономические и исторические теории Маркса и решительно порвала с анархическими и несколько славянофильскими традициями своих предшественников. Сам Маркс был бы так же горд этим, если бы прожил немного дольше. Это прогресс, который будет иметь огромное значение для развития революционного движения в России. Для меня историческая теория Маркса — основное условие *выдержанной* и *последовательной* революционной тактики; чтобы найти эту тактику, нужно только приложить теорию к экономическим и политическим условиям данной страны»¹.

Заслуги Плеханова и его группы «Освобождение труда» по достоинству оценены в сталинском «Кратком курсе истории ВКП(б)». Главной заслугой Плеханова в революционном движении России является то, что «Плеханов первый дал марксистскую критику ошибочных взглядов народников. Нанося меткие удары народническим взглядам, Плеханов одновременно развернул блестящую защиту марксистских взглядов»².

Но если Плеханов сыграл крупную роль в пропаганде марксизма в России, то все же главную роль в этом историческом деле выполнил не Плеханов с группой «Освобождение труда», а Ленин, исправивший ошибки плехановской группы «Освобождение труда» и осуществивший соединение научного социализма с рабочим движением в России в середине 90-х годов прошлого века.

В 1894 г., за год до выхода книги Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», вышло нелегальное издание книги Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» Сравнение этих двух работ показывает, как сильно уже тогда отличался ленинский метод научного анализа общества от метода, применявшегося Плехановым. Так, Ленин, показывая особенности развития капитализма в России, дает исторический анализ этого развития и подтверждает свои выводы богатейшим фактическим материалом. Метод доказательства Плеханова — чисто логический, особенностей русского капитализма он не вскрывает, никаких новых данных о развитии капитализма в России за десятилетие, 1884—1895 гг., не приводит. Плеханов ограничивается утверждением: «*Нет данных, позволяющих надеяться, что Россия*

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. XXVII, стр. 461—462.

² Краткий курс истории ВКП(б), стр. 13.

скоро покинет путь капиталистического развития, на который она вступила после 1861 года. Вот и все!»¹ Если в России развивается капитализм, рассуждает Плеханов, то в ней повторится все то, что уже произошло в Западной Европе.

Чисто логический подход к анализу общественных явлений, не учитывающий конкретных исторических особенностей, впоследствии привел Плеханова к неправильным политическим выводам о том, что руководящая роль в буржуазно-демократической революции в России должна принадлежать буржуазии, как это было в европейских буржуазных революциях XVII—XVIII вв.

Ленин в своей работе «Что такое «друзья народа» показывает классовый источник субъективной социологии народничества и объясняет превращение революционного народничества в реакционное народничество кулачества и его влиянием на народническое мировоззрение; Плеханов же объяснял этот факт лишь... недостатком философского образования у народников, тем, что зубы народников оказались недостаточно подходящими, чтобы раскусить «марксистский пудинг», что их умы оказались недостаточно заостренными, чтобы понять марксизм.

Ленин уже в своих работах 1894—1895 гг. противопоставляет революционный марксизм буржуазному объективизму Струве и показывает, какая глубокая пропасть их разделяет. Плеханов защищает Струве, когда тот выдвигает лозунг: «признаем нашу некультурность и пойдем на выучку к капитализму», необоснованно сравнивая этот лозунг либерального буржуа Струве с предсмертным высказыванием революционного демократа Белинского о прогрессивной роли капитализма в России 40-х годов XIX в.

Плеханов солидаризируется также с утверждением Струве о том, что можно якобы быть марксистом, не будучи социалистом.

«Это справедливо, — пишет Плеханов. — ...Но если я, будучи «марксистом», т. е. признавая, например, основные положения исторической теории Маркса, могу вообще отрицать всякую возможность социалистического устройства общества, то тем более могу я, признавая те же самые положения, отрицать уместность революционного движения в какой-нибудь одной стране, например, в России. Я могу быть русским «марксистом», не будучи в то же время русским революционером»².

Отсюда рукой подать до того оправдания «легального марксизма», которое допустил Плеханов в 1897 г. в первоначальной редакции статьи «Об экономическом факторе», утверждая, что можно сочетать материалистическое понимание истории с неокантианством в философии.

В книге «К вопросу о развитии монистического взгляда на

¹ Плеханов, К вопросу о развитии монистического взгляда на историю, стр. 142.

² «Литературное наследие Г. В. Плеханова», сб. IV, стр. 65—66.

историю» Плеханов ограничился блестящей популяризацией основных положений исторического материализма, доказательством их применимости к России.

Между тем 24-летний Ленин в книге «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» развил дальше теорию исторического материализма, применительно к новым историческим условиям.

К работам Плеханова 80—90-х годов в полной мере относится указание «Краткого курса истории ВКП(б)»: «Плеханов не учитывал... что в ходе революции пролетариат может и должен повести за собой крестьянство, что только в союзе с крестьянством пролетариат сможет одержать победу над царизмом. Плеханов рассматривал, далее, либеральную буржуазию, как силу, которая может оказать поддержку революции, хотя и непрочную поддержку...»¹

В «Наших разногласиях» Плеханов неправильно считал, что «интересы русской буржуазии приходят теперь в непримиримое противоречие с интересами абсолютизма...»². Ранние работы Плеханова содержат также ошибочный взгляд на тактику индивидуального террора. Хотя Плеханов считал, что террор не является главным средством борьбы, и писал, что к террористической борьбе не следует привлекать рабочий класс, он в то же время принципиально допускал индивидуальный террор, не учитывая, что террор тормозил развитие революционной активности рабочего класса и крестьянства.

Ленин исправил ошибки плехановской группы «Освобождение труда», разоблачил «легальных марксистов» как идеологов русской либеральной буржуазии и выдвинул в своей книге «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» идею о необходимости революционного союза пролетариата и крестьянства под гегемонией пролетариата для свержения царизма, помещиков и буржуазии.

Плеханов был блестящим пропагандистом и страстным защитником диалектического материализма Маркса и Энгельса. Работы Плеханова 80—90-х годов оказали большое влияние на революционное движение западноевропейских стран. Они были переведены на многие европейские языки и быстро снискали заслуженную популярность среди революционеров всего мира. Но марксизм Плеханова не был марксизмом творческим.

Плеханов не сумел оценить значение того обострения классовых противоречий в экономике, политике и идеологии, которое произошло в связи с вступлением капитализма в последнюю, империалистическую стадию развития. Рассматривая основные положения марксизма как застывшие, не развивая дальше марксизм на основе данных новой эпохи, Плеханов не заметил неравномерного, скачкообразного характера капи-

¹ Краткий курс истории ВКП(б), стр. 16—17.

² Плеханов, Соч., т. II, стр. 203.

исторического развития при империализме и выступил против ленинской теории социалистической революции, утверждая, что социалистическая революция должна произойти одновременно во всех развитых странах капитализма.

Борьбу против философского ревизионизма — бернштейнианства на Западе и «легального марксизма» в России — Плеханов не довел до логического конца, ибо он не видел классовых корней ревизионизма, объясняя его «неспособностью к логическому мышлению» и «недостатком философского образования» у ревизионистов.

Даже в 80—90-х годах прошлого века, когда Плеханов был еще последовательным диалектическим материалистом и революционным марксистом, в его философских взглядах наблюдались склонность к догматизму и элементы механицизма. Хотя Плеханов неоднократно повторял, что «истина всегда конкретна», в своей политической и литературной деятельности он не всегда проводил этот принцип.

Неумение применить этот принцип к анализу общественной жизни особенно сказалось в тактике, которую проводил Плеханов в революции 1905—1907 гг. Ссылаясь на революционную роль буржуазии во французской революции 1789 г., Плеханов, отвлекаясь от конкретной исторической обстановки, делал из этого факта неправильный вывод, что не пролетариат, а буржуазия является руководящей силой, гегемоном в буржуазно-демократической революции в России.

Склонность Плеханова к догматизму ярко обнаружилась в 1900—1902 гг., в период составления проекта программы РСДРП. В своем проекте программы Плеханов не учел особенностей развития капитализма и борьбы рабочего класса в России, в результате чего его проект программы был более подходящим в качестве учебника, чем в качестве программы борющейся партии. Плеханов не включил в проект программы пункт о диктатуре пролетариата. Только благодаря настояниям Ленина этот пункт, равно как и ряд других предложений Ленина, был включен в программу РСДРП, принятую II съездом партии.

Склонность Плеханова к догматизму нашла наиболее полное выражение в его работах меньшевистского периода, после 1903 г.

Выступая против большевистского лозунга «революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства», против создания партии нового типа, партии, непримиримой к оппортунизму, против ленинской политики превращения империалистической войны в войну гражданскую, Плеханов отступал от революционного марксизма.

С этими элементами догматизма в мировоззрении было связано ошибочное толкование Плехановым принципа партийности философии. Плеханов совершал ошибку, считая допустимым сочетание марксистских экономических и философско-исторических

воззрений с идеализмом в общефилософских воззрениях. Так, он допускал, что «неокантианец, признающий справедливость экономической и философско-исторической теории автора «Капитала», в этих пределах может быть таким же верным и последовательным учеником этого знаменитого мыслителя, как и любой из современных материалистов, т. е. тех, которые следуют за автором «Капитала» также и в философии»¹.

Плеханов уже в начале второго десятилетия XX в. сошел с исторической сцены, ибо он был вождем мирного времени, не сумевшим сочетать вопросы теории с практически-организационной мощью рабочего движения.

Рабочий класс России пошел на победоносную социалистическую революцию за вождями нового типа — Лениным и Сталиным.

Переход Плеханова к оппортунистам, свершившийся в начале XX в., не может умалить роли Плеханова в пропаганде философии марксизма, в защите ее от врагов марксизма в 80—90-х годах XIX в.

В 1908 г., разоблачая бернштейнианцев и махистов, Ленин писал в статье «Марксизм и ревизионизм»:

«...Единственным марксистом в международной социал-демократии, давшим критику тех невероятных пошлостей, которые наговорили... ревизионисты, с точки зрения последовательного диалектического материализма, был Плеханов. Это тем более необходимо решительно подчеркнуть, что в наше время делаются глубоко ошибочные попытки провезти старый и реакционный философский хлам под флагом критики тактического оппортунизма Плеханова»².

Плеханов был выдающимся деятелем науки и одним из лучших представителей культуры русского народа. Русский народ и другие народы СССР никогда не забудут Плеханова как одного из своих лучших сынов, боровшихся за свободу и счастье народа.

¹ «Литературное наследие Г. В. Плеханова», сб. IV, стр. 147.

² Ленин, Соч., т. XII, стр. 185.